

дежи, и перечень рекомендаций по разработке социальной рекламы в русле данной проблематики.

Список литературы

1. Аксенова А. С. Профилактика зависимостей в условиях однократной встречи со слушателями // Психотерапия. 2011. № 2. С. 6–7.
2. <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=826>.

А. Ю. Петров

МОТИВАЦИЯ К ПОЛУЧЕНИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА

Профессиональной элитой мы могли бы назвать объективно существующие в каждой профессиональной сфере группы экспертов, качественно *выделяющихся* среди остальных наиболее эффективными результатами своей профессиональной деятельности. Термин «элита» подчеркивает *отдельность и избранность* в противовес массовости и доступности. Проблема «очерчивания» социального слоя профессиональной элиты неизбежно сталкивается с дилеммой: профессиональная (интеллектуальная, экспертная) элита – это наличие особых внутриличностных качеств или же это особый социальный статус? Уже в самом понятии «элита» мы видим взаимосвязь объективной и субъективной составляющих: безусловно, существуют некие стратификационные внешние критерии принадлежности к элитным (избранным) слоям общества, но существует еще и субъективный, внутриличностный, *мотивационный* компонент, связанный с внутренней самооценкой, самоотнесением и самоидентификацией. Очевидно, что учет балансового соотношения объективных и субъективных критериев при формировании своего рода «Я-концепции» социальной элиты потребует ответов на вопросы: каков перечень тех ценностных ориентаций, личностных качеств, способностей и мотивов, позволяющих образованному человеку причислить к социальной элите себя самого? И напротив, какова ценностная структура человека, субъективно причисляющего себя к социальной элите, не обладая при этом качествами фактической образованности и профессиональной квалификации?

Между тем профессиональная («экспертная») элита существует объективно: среди школьников выделяется прослойка интеллектуально продвинутых «ботаников» и победителей олимпиад, в вузах мы наблюдаем пусть и небольшой, но все-таки заметный слой ярко мотивированных на получение качественного образования студентов, в любом профессиональном социуме мы неизбежно вычленим микрогруппы так называемых «истинных профессионалов». Умышленно используя тавтологию как стилистический прием, мы обращаем внимание на то, что именно в этих социальных микрогруппах объективно концентрируются люди с одинаково высоким уровнем профессиональной образованности и широким профессиональным кругозором для непрерывного дискуссионного обсуждения профессиональных проблем, представляющих для участ-

ников взаимный профессионально-эвристический интерес. Более того, соучастие в подобных элитных микросоциумах представляют собой уникальную форму непрерывного профессионального самообразования и личностного роста. И, что самое важное, именно профессиональная элита устанавливает те неформальные образовательные стандарты, которых должны придерживаться, с ее точки зрения, как отдельные индивиды, так и социум в целом. К примеру, известная дискуссия вокруг ЕГЭ является, по своей сути, отголоском противоборства двух профессионально-образовательных стандартов – элитного, повышенного (вытекающего из потребности в широком и непрерывном профессиональном образовании), с одной стороны, и массового, усредненного (ограничивающегося единым разумным и достаточным профессиональным минимумом), – с другой. Отсюда, актуальным представляется вопрос о том, в какой степени элитные профессиональные группы (на этапах школы, вуза и практики), находясь под влиянием бытовых настроений и утвердившихся социальных стереотипов, внутренне ощущают себя элитой социальной?

Проведенное нами исследование среди студентов-очников крупного технического вуза – Уральского государственного технического университета (было опрошено более 300 третикурсников-«технарей») – выявляет тенденцию заметного превалирования социальной мотивации над профессионально-эвристической: 47,7 % (половина!) студентов сугубо технических специальностей (прямо скажем, на уровне бытового общественного мнения далеко не самых престижных и элитных) – будущие механики, сварщики, металлурги – еще не доучившись, откровенно сожалеют о своем профессиональном выборе, в будущем работать по обучаемой специальности вовсе не собираются и, как они нам признались, главным образом, по причине слабой социальной востребованности на сегодняшний день подобного рода профессий («Здесь много не заработаешь и карьеры не сделаешь!»). Иными словами, элитный специалист не ощущает у себя элитного социального статуса.

Социологическое исследование в гимназиях Нижнего Тагила – крупного промышленного центра Уральского региона, – ставило своей целью диагностировать взгляды выпускников элитных школ нового типа (являющихся некой ценностной альтернативой традиционным общеобразовательным школам) на проблему профессионального выбора. Представители нынешней школьной элиты (в общей сложности нами было опрошено около 300 выпускников) в процессе своего профессионального самоопределения руководствуются прежде всего соображениями универсального характера будущей профессии («полученные здесь знания всегда пригодятся в жизни, независимо от того, буду ли я работать по этой специальности» – 71,4 %), ее социального престижа («эта специальность на сегодняшний день одна из самых престижных» – 64,3 %), а также возможности быстрой карьеры («получаемая специальность поможет быстро устроиться в жизни, начать свое дело, добиться служебного продвижения – 74,3 %). Смеем утверждать, что большинство выпускников в процессе выбора вуза и будущей специальности лишь во вторую очередь готовы задуматься о

том, насколько она будет соответствовать их внутреннему, личностному складу и интеллектуальным способностям. Так, по нашим данным, мотивы профессионально-эвристического порядка попали у выпускников гимназий лишь во второй по значимости блок профессионального выбора: будущая профессия предоставит «возможность профессионального самовыражения и контактов с увлеченными и творческими людьми» (42,9 %), а также «возможность углубленного творческого поиска с возможным выходом на инновационные виды деятельности» (37,0 %). Иными словами, в процессе профессионального выбора социальные интересы элитной части выпускников школ стали весьма заметно превалировать над интересами профессионально-эвристическими.

Фактическая невостребованность широкой профессиональной образованности вынуждает человека сводить свою индивидуальную познавательную потребность к разумному минимуму, достаточному для того, чтобы занять желаемую (в том числе и элитную) социальную нишу. Данный процесс проявляется в массовидном характере сегодняшнего высшего образования, в угоду коммерческим интересам девальвирующей собственную ценность как с точки зрения своего знакового эквивалента (диплома-«корочки»), так и с точки зрения своего элитного статуса. Доступность (в контексте отбора абитуриентов исключительно по желанию и финансовым возможностям в ущерб их способностям к глубокому освоению той или иной профессии), а, отсюда, всеобщность высшего образования свидетельствует как о снижении его качественной, критериальной планки, так и о размывании профессионального слоя социальной элиты слоями квази-элиты. Иными словами, социальный институт высшего образования как фактор воспроизводства профессиональной элиты общества фактически перестал быть элитным. Декларативный запрос общества на всеобщую образованность путем предоставления образовательных услуг, по сути, всем *желающим* привел к появлению внушительного рыночного сегмента и массовому потреблению образования как продукта с желаемым знаковым, символическим наполнением. Структура мотивации сегодняшнего студенчества претерпела существенные деформации, касающиеся социальных ожиданий и расстановки ценностных приоритетов. Так, к примеру, среди мотивов массового получения юридической специальности (опрашивались более 300 студентов юридического факультета одного из «коммерческого» вузов) на первое место был поставлен мотив-надежда: диплом юриста позволит в будущем существенно улучшить материальное положение (72,2 %). Примечательно при этом, что 84,8 % (!) будущих юристов, получающих платное высшее образование («за свои кровные»), уверенно полагают, что вкладывать деньги в образование – дело выгодное, стоящее и рациональное. Вот только эвристический интерес к будущей юридической профессии уж слишком откровенно отстает здесь на задний план (на него указали лишь 39,4 % наших респондентов).

Что же касается студентов, осваивающих технические специальности (будущих механиков, строителей, металлургов), способны ли они противопоставить меркантильному желанию быстрой служебной карьеры и материального обога-

щения, откровенно заявленному нам будущими юристами, свою романтическую любовь к технике, которая, как считают многие преподаватели соответствующих технических дисциплин, и должна приводить «сознательного» абитуриента в технический вуз? Вынуждены констатировать, что студенты-«технари» в этом смысле нас некоторым образом разочаровали: профессионально-эвристического интереса оказалось здесь буквально столько же, сколько и у прагматиков-юристов (те же 40,5 %!), что дает основание говорить о некоей общей тенденции. На первое же место с 90,5 %, по нашим данным, выходит у нынешних «технарей» мотив *сквозного и универсального* характера получаемых знаний, которые когда-нибудь (*скорее всего косвенно*) да и пригодятся в жизни, а вот на второе место (59,5 %, т. е. более половины наших респондентов!) – откровенно циничное признание: «Лично для меня важна не столько сама профессия, сколько диплом-«корочка», без которой сегодня (когда дипломы о высшем образовании есть буквально у каждого!) никакой карьеры не сделаешь!»

Актуальной, драматически острой и весьма критической становится проблематика доли (соотношения) среди входящих в элитные социальные группы, с одной стороны, истинных профессионалов, выделяющихся из массы своим очевидным уровнем развития интеллектуальных способностей и профессиональных достижений, и, с другой стороны, – кадрового балласта, рекрутированного в элитные слои в результате массового потребления образовательных услуг и получения символических свидетельств (одного или нескольких) своей формальной образованности.

В. Н. Савин, Б. А. Воронин

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АВТОПОРТРЕТА В АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Проблема адаптации является крайне актуальной в свете выхода России из экономического кризиса. Человек создает психологический автопортрет на основе целой серии актов объективации. Человек, действующий как личность, включен в действительность и буквально растворен в ней. Между тем, у него нет ясного представления ни о действительности, ни о самом о себе.

Противопоставившись действительности, человек приостанавливает свою импульсивную активность и осознает ее компоненты: свое собственное поведение, включенные в поведение предметы, свое «я» и «я» других людей. При каждом отдельном акте объективации человек – осознает какие-то объекты, но в тоже время ему приходится осознавать с определенной точки зрения и свое «я». Человек с помощью такого рода актов, кроме особенностей предметов действительности, осознает и свои собственные потребности, стремления, способности познания, особенности характера и т. д. Но в создании психологического автопортрета, наряду с непосредственной оценкой самого себя, большую роль играют и реакции других людей в отношении личности «я». Психологический автопортрет как раз и создается на основе единства этих данных.